20 5/168

ОПРОВЕРЖЕНІЕ

ПРИМѢЧАНІЙ

НА КНИГУ ГОСПОДИНА АНСИЛЬЙОНА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„ЕСТЕТИЧЕСКІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ“

РЯЗАНСКАГО АРХІЕПИСКОПА

ѲЕОФИЛАКТА.

СООБЩИЛЪ

И. А. ЧИСТОВИЧЪ.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1872.

20 5/168

ЭБ

ОПРОВЕРЖЕНІЕ

ПРИМѢЧАНІЙ

НА КНИГУ ГОСПОДИНА АНСИЛЬЙОНА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„ЕСТЕТИЧЕСКІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ"

РЯЗАНСКАГО АРХІЕПИСКОПА

ѲЕОФИЛАКТА.

СООБЩИЛЪ

И. А. ЧИСТОВИЧЪ.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1872.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1872 года, кн. 1-я.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
3288-06

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помѣстивъ во 2-ой книжкѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1870 года (Отд. V, стр. 175—208) «Объясненіе на примѣчанія, сдѣланныя противъ книжекъ: «Христіанское ученіе въ краткой системѣ,» и: «Начертаніе Церковной Исторіи,» Протоіерея Г. П. Павскаго,» возражавшаго на замѣчанія Московскаго Митрополита Филарета, его Професора по С.-Петербургской Духовной Академіи 1-го курса (1809—1814 г.), сдѣланныя въ то время, когда послѣдній возсѣдалъ уже на Московской каѳедрѣ, предлагаю нынѣ также «Опроверженіе примѣчаній на книгу Г. Ансильйона подъ заглавіемъ: «Естетическія разсужденія,» представленное, въ исходѣ Октября 1813 года, въ Коммисію Духовныхъ Училищъ, Членомъ ея, Ѳеофилактомъ, Архіепископомъ Рязанскимъ, въ послѣдствіи Екзархомъ Грузіи. Примѣчанія сдѣланы были тогдашнимъ Ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи, Архимандритомъ Филаретомъ, стало быть, почти при самомъ началѣ его ученой дѣятельности, между тѣмъ какъ упомянутыя выше замѣчанія на книжки Павскаго, предложены спустя слишкомъ 25 лѣтъ. Опроверженіе Ѳеофилакта было давно извѣстно по слухамъ, но въ чемъ оно заключалось, весьма немногіе знали о томъ. Мнѣніе примѣчателя на Ансильйоновы «Естетическія разсужденія,» кажется, удержано было имъ навсегда; по крайней мѣрѣ оно въ существенномъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что содержится въ примѣчаніяхъ его на оныя: сличите первое, какъ оно передается въ извѣстныхъ «Запискахъ о жизни и времени святителя Филарета, Митрополита Московскаго, составленныхъ Н. В. Сушковымъ (Москва, 1868, стр. 93 — 94), съ самыми уже примѣчаніями, теперь мною изданными. Много съ тѣхъ поръ ушло времени—больше полувѣка; оба спорщика и принимавшіе въ ихъ состязаніи прямое, или косвенное, участіе, либо бывшіе простыми зрителями, давно уже успокоились отъ всѣхъ треволненій, волновавшихъ такъ, или сякъ, ихъ души; по тому, думаю, наступилъ уже день, если не оцѣнки ихъ борьбы и препираній, то, по крайности, обнародованія для того матеріяловъ, взятыхъ у самаго источника.

Но прежде приступленія къ самому «Опроверженію примѣчаній

на книгу Ансильйона: «Естетическія разсужденія,» считаю необходимымъ предпослать, для точнѣйшаго уясненія относящагося сюда и дѣятелей въ оном, слѣдующія свѣдѣнія, до сихъ поръ мало извѣстныя, извлеченныя изъ самаго дѣла И. А. Чистовичемъ и обнародованныя имъ въ замѣчательной статьѣ его: «Въ память Графа Михаила Михайловича Сперанскаго» (на 1-е Января, 1872 года), помѣщенной въ 12-ой книжкѣ (Декабрьской) журнала: «Христіанское Чтеніе, издаваемое при С.-Петербургской Духовной Академіи 1871 года» (стр. 959—1017), именно на стран. 994—995). Вотъ оно:

«Въ ноябрѣ 1810 года Ѳеофилактъ представилъ въ Коммисію Духовныхъ Училищъ переводъ «Эстетическихъ разсужденій Ансильйона,» для изданій его, въ видѣ пособія, студентамъ по классу словесныхъ наукъ. «Я ручаюсь, писалъ онъ въ своемъ предложеніи Коммисіи, не токмо за вѣрность перевода, но и за то, что изданіе въ свѣтъ сихъ превосходныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ разсужденій не малую принесетъ пользу обучающимся словесности въ высшихъ духовныхъ училищахъ.» Чтобы не подвергать сочиненій и переводовъ членовъ Коммисіи дѣйствію духовной цензуры на общихъ основаніяхъ, Коммисія постановила разсматривать ихъ чрезъ одного изъ членовъ по ея назначенію, и въ этотъ разъ переводъ Ансильйона поручила на разсмотрѣніе духовнику Его Величества П. В. Криницкому. Между тѣмъ, съ перемѣщеніемъ въ академію Филарета, положеніе дѣлъ измѣнилось. Возникло соперничество между молодыми учеными монахами — Филаретомъ, который примкнулъ къ м. Амвросію, и Леонидомъ (Зарѣцкимъ), товарищемъ Филарета по семинаріи, котораго Ѳеофилактъ, въ помощь себѣ по профессорству, вызвалъ изъ Калуги и велъ въ ректоры академіи. Ѳеофилактъ старался привлекать къ себѣ публику въ Петербургѣ своими проповѣдями. «Разъ,— говоримъ собственными словами Филарета изъ его «воспоминаній,»— разъ ввелъ онъ въ свою проповѣдь изображеніе человѣка престарѣлаго, обремененнаго службою, изъ за котораго управляетъ дѣлами молодой человѣкъ: это намекалъ онъ на м. Амвросія и на меня. Слухи объ этомъ ходили повсюду, такъ что я рѣшился донести объ этомъ митрополиту и указалъ ему способъ къ прекращенію такихъ проповѣдей на будущее время, именно напомнилъ ему 20-е правило 6-го вселенскаго собора, которымъ воспрещается проповѣдывать въ чужой епархіи. Тотъ предложилъ это указаніе самому Ѳеофилакту въ Св. Синодѣ, и Ѳеофилактъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ проповѣдывать.»

(Правосл. обозр. 1868 г. ч. 26, стр. 516). Въ мартѣ 1812 г. открылось мѣсто ректора въ академіи. Митрополитъ предложилъ въ ректоры Филарета, Ѳеофилактъ—Леонида. Коммисія утвердила избраніе Филарета. Сперанскаго ужъ не было въ Коммисіи. Всѣ дѣла ея велъ князь Голицынъ. До сихъ поръ были счеты съ Ѳеофилактомъ: теперь пришло время полнаго разсчета. Переводъ «Эстетическихъ разсужденій» лежалъ два года у П. В. Кринцкаго. Конечно, это не было дѣломъ простой медлительности. Ѳеофилактъ видѣлъ, откуда идутъ препятствія и, надѣясь еще на свою силу, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія. Въ іюлѣ 1813 года онъ внесъ въ Коммисію предложеніе, въ которомъ писалъ: «Долгое время не видя никакого отзыва на счетъ перевода Ансильйона, я словесно просилъ отца Духовника отдать мнѣ его обратно, въ въ чемъ онъ меня и удовлетворилъ. Поелику же переведенная книга, по содержанію своему, не подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры, для изданія оной въ свѣтъ, да и предлагаема была мною не для того, чтобы получить дозволеніе напечатать ее, но чтобы внести ее въ высшіе духовныя училища въ родѣ книги вспомогательной, то я подвергъ переводъ Ансильйона разсмотрѣнію гражданской цензуры, съ дозволенія коей нынѣ уже и печатается.» При слушаніи сего Духовникъ Его Величества словесно предложилъ, что означенныя разсужденія, по исправленіи нѣкоторыхъ мѣстъ въ оныхъ, могутъ быть напечатаны; на что преосвященный архіепископъ рязанскій отозвался, что таковыя исправленія имъ, преосвященнымъ, уже сдѣланы.

Дѣло на этомъ, однако жъ, не остановилось. Предмѣстникъ Филарета по ректорству, Сергій, посвященный въ епископы въ Кострому, тогда же обнадеживалъ его на счетъ Ѳеофилакта: «Увѣряю тебя, ты сбудешь этого Бріэна, непремѣнно сбудешь: я видѣлъ во снѣ.» (Воспомин. преосв. Филарета, тамъ же, стр. 517). Преосвященный Филаретъ говорилъ потомъ, что этотъ сонъ сбылся. Воспользовавшись тѣмъ, что на заглавномъ листѣ книги она названа была переводомъ студентовъ духовной академіи, Филаретъ написалъ на нее пространныя замѣчанія и, не выступая своимъ лицомъ, просилъ м. Амвросія дать этому дѣлу ходъ отъ его имени и лица. Когда все было подготовлено, м. Амвросій, 24 Сент. 1813 г., далъ предложеніе академическому правленію, которымъ поручалъ: ректору представить свои замѣчанія на эту книгу, съ мнѣніемъ, слѣдуетъ ли ее употреблять на лекціяхъ; отъ Леонида взять показаніе, съ чьего дозволенія и почему

онъ приступилъ къ такому употребленію ея на лекціяхъ; отъ студентовъ (Павскаго, Кутневича, Малова и др.) отобрать объясненіе, по собственному ли, или по постороннему какому либо убѣжденію они упражнялись въ переводѣ этой книги; книгу, между тѣмъ, отобрать у стедунтовъ и употребленіе ея въ классѣ воспретить. Ректоръ архимандритъ Филаретъ заявилъ, что книги этой въ академіи употреблять не слѣдуетъ, потому что она не показана въ спискѣ пособій по классу эстетики, относится къ свѣтской, а не духовной словесности и, наконецъ, заражена пантеизмомъ и натурализмомъ, кодорый переводчикомъ хотя и замѣченъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смягченъ, но совсѣмъ исправленъ быть не могъ.

4-го октября митрополитъ Амвросій внесъ этѣ замѣчанія въ Коммисію, которая, устранивъ преосвященнаго Θеофилакта (11 октября) отъ совѣщаній по этому предмету, признала дѣйствія его несообразными. Но съ опредѣленіемъ ея (т. е., собственно двухъ членовъ ея — митрополита Амвросія и кн. Голицына) не согласились духовникъ П. В. Криницкій и И. С. Державинъ, которые подали особыя мнѣнія. П. В. Криницкій писалъ: «Критика должна быть проста и ясна: сего я въ замѣчаніяхъ ректора академіи архимандрита Филарета не нахожу; а, напротивъ того, замѣчанія наполнены то вопросами, сомнѣнію подлежащими, то заключеніями софистическими, да и написанныя въ противность § 5 въ проэктѣ устава духовныхъ академій, въ которомъ сказано: «Предложеніе архіерея правленіе разсматриваетъ и рѣшитъ согласно § 129 начертанія правилъ, съ таковымъ дополненіемъ, чтобъ неупустительно извѣщало Коммисію и о тѣхъ предложеніяхъ, которыя исполняются по общему членовъ согласію.» Но о томъ, писать ли замѣчанія, или нѣтъ, въ Коммисіи и разсуждаемо не было, и, что еще дерзновеннѣе, помянутыя замѣчанія безъ рѣшенія Коммисіи д. у. уже и напечатаны, и уже и продаются. Кто бы подумалъ, что учитель истинной богословіи позабылъ сіи святыя нашея вѣры предписанія: «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется?» Сколько такой примѣръ дурной, вредный и, что всего болѣе, опасный!»—И. С. Державинъ представлялъ, между прочимъ, что «дать неоспоримую достовѣрность замѣчаніямъ о. ректора академіи Филарета и основать заключеніе свое по единственному содержанію оныхъ, что книга сія заключаетъ въ себѣ пантеизмъ, или натурализмъ, не отобравъ отъ издателя сея книги, преосвященнаго архіепископа Θеофилакта, о точности разума выставленныхъ сомнительныхъ пунк-

товъ, объясненія, или опроверженія, на сдѣланныя о. ректоромъ замѣчанія, и безъ существеннѣйшаго, чрезъ сложеніе того и другого, изысканія истины, справедливымъ и съ законами согласнымъ онъ не находитъ.» «Я не могу не присовокупить,—писалъ онъ въ заключеніе своего мнѣнія,—что замѣчанія о. ректора академіи Филарета извлечены во многихъ мѣстахъ изъ однихъ словъ, безъ соображенія съ связію полнаго смысла и вообще слабы и неудовлетворительны.»

Ѳеофилактъ представилъ, на замѣчанія Филарета, свои опроверженія: но Коммисія не приняла ихъ въ уваженіе. Между тѣмъ, по случаю произшедшаго несогласія въ мнѣніяхъ членовъ Коммисіи, Князь А. Н. Голицынъ, 11 Окт. 1813 г., представилъ это обстоятельство на Высочайшее разрѣшеніе. Высочайшая воля по этому предмету состояла въ томъ, чтобы Архіепископа Рязанскаго не допускать къ напечатанію опроверженій его. Но мнѣнія духовника Его Величества П. В. Криницкаго и оберъ-священника И. С. Державина уважены въ томъ отношеніи, что опредѣленіе Коммисіи относительно замѣчанія Преосвященному Ѳеофилакту о несообразности его поступка и представленія о томъ Св. Синоду, оставлены безъ дѣйствія. Вслѣдъ за тѣмъ, 11 Ноября, Ѳеофилактъ уволенъ въ свою епархію. А привлеченный къ отвѣтственности помощникъ его по профессорству, архимандритъ Леонидъ, внезапно скончался 23 Ноября. Въ 1817 г. Ѳеофилакта перевели въ Грузію, которая полвѣка назадъ была, конечно, не то, что нынѣ. Просвѣщенный экзархъ устроилъ и оживилъ этотъ неустроенный край во всемъ, что касалось до духовныхъ, іерархическихъ и миссіонерскихъ дѣлъ, и награжденъ за это въ 1819 г. саномъ митрополита, въ 1821 орденомъ Св. Владиміра 1 степени. Преосвященный Ѳеофилактъ скончался 19 Іюля 1821 года, на 55-мъ году жизни.»

Таковы обстоятельства этого дѣла, предшествовавшія и послѣдовавшія, вызванныя, по видимому, самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ мірѣ ученомъ, каково переводъ иностраннаго сочиненія на Русскій языкъ, но, по столкновенію личныхъ отношеній, надѣлавшія въ свое время большаго шума, и даже стоившія кой кому самой жизни.

О. Бодянскій.

30 Апрѣля, 1872 г.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ПРИМѢЧАНІЙ

НА

КНИГУ ГОСПОДИНА АНСИЛЬЙОНА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„ЕСТЕТИЧЕСКІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ.“

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 3. «Совокупность представленій, или лучше, всѣ бытія и существа, внѣ меня находящіяся, и отъ меня не зависящія, словомъ: вселенная, заключающая все, есть безконечное.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Слова автора представляютъ въ себѣ такое смѣшеніе понятій, въ которомъ различныя понятія приняты за тождественныя, и истинныя совокуплены съ ложными.

Авторъ думаетъ, или говоритъ, будто совокупность представленій, значитъ то же, что «всѣ бытія и существа, внѣ меня находящіяся, и отъ меня не зависящія,» и что все сіе можно иначе назвать «вселенною.» Но что сіи выраженія отнюдь не тождественны, сего не нужно и доказывать. Если отдѣлить изъ словъ его сіе положеніе: «совокупность представленій есть безконечное,» то можно будетъ думать, что безконечное здѣсь принимается въ смыслѣ идеальномъ; но когда взять слѣдующее за симъ его положеніе: «всѣ бытія и существа, внѣ меня находящіяся, суть безконечное,» то подумаешь, что здѣсь описывается безконечное существенное, по тому что идеальное безконечное не можетъ быть названо бытіемъ и существомъ; а такимъ образомъ все сіе положеніе оказывается ложнымъ, по тому что изъ всѣхъ бытій и существъ, внѣ меня находящихся, безко-

нечное, въ смыслѣ существенномъ, есть одинъ Богъ, а прочія существа, и порознь, и совокупно, принадлежатъ къ понятію конечнаго. Наконецъ положеніе: «Вселенная, заключающая все, есть безконечное:» Если авторъ думаетъ произнести въ смыслѣ идеальномъ, или естетическомъ, то былъ обязанъ ограничить свое изъясненіе: а безъ ограниченія всего легче оно можетъ быть принято въ обыкновенномъ существенномъ смыслѣ, и въ такомъ случаѣ отзывается Пантеизмомъ, или даже Натурализмомъ. Подозрѣніе сіе превращается въ прискорбную увѣренность, когда, обратясь къ началу сего сочиненія, читаемъ слѣдующія слова: «Изъ числа философовъ, предпринимавшихъ разрѣшить великую проблему о свойствѣ существъ и происхожденіи вещей, многія начинали свои умозрѣнія отъ безконечнаго, чтобы посредствомъ сего доходить до конечнаго.»

Здѣсь ясно видно, что безконечное принимаетъ авторъ за начало всѣхъ вещей; слѣдовательно положеніе: «Вселенная, заключающая все, есть безконечное,» значитъ то, что вселенная сама есть начало вещей, въ ней существующихъ, слѣдовательно, авторъ не хочетъ знать ни какого существа, не зависящаго отъ вселенной, высшаго вселенной, сотворшаго вселенную.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Г. критикъ не понимаетъ, или притворился не понимающимъ, Г. Ансильйона, говоря, что «совокупность представленій и всѣ бытія и существа,» яко бы принимаетъ онъ за тождественныя понятія. Совокупность представленій есть совокупность идей, а совокупность бытій и существъ суть самыя существа, всѣ вмѣстѣ взятыя. Первая совокупность есть безконечное въ отношеніи къ представляющему (subjective), т. е., къ самому Богу, а не къ конечнымъ существамъ, по тому что совокупность идей всего существующаго совмѣстна одному только безконечному существу; а вторая будетъ безконечное относительно къ самымъ бытіямъ и существамъ, со включеніемъ и Существа Самобытнаго (objective).

Никто не оспориваетъ, что безконечное въ собственномъ смыслѣ есть одинъ Богъ. Философы двояко опредѣляютъ вселенную, разсматривая Творца съ тварями, или совокупно, или от-

дѣльно. Въ первомъ случаѣ она дѣйствительно безконечна, ибо предполагается въ ней Творецъ—истинное безконечное: во второмъ она нарицается неопредѣленнымъ. Доказательствомъ сему служатъ 6 и 8 страницы, гдѣ Ансильйонъ, разсуждая отдѣльно о Безконечномъ и существахъ конечныхъ, не называетъ уже вселенную безконечнымъ. Стр. 6: «Поелику мы не можемъ ни познать, ни обнять мыслію безконечнаго, то воображеніе наше, силясь постигнуть и уразумѣть оное, превращаетъ безконечное въ неопредѣленное.» Стр. 8: «Мы будемъ знать всегда, что безконечное существуетъ, и будемъ стараться достигнуть до онаго посредствомъ неопредѣленнаго, т. е., будемъ искать Бога во вселенной, яко зерцалѣ его совершенствъ. «Невидимая его отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть.» Какому жь послѣ сего быть подозрѣнію, или еще и увѣренности, что замѣчаемое критикомъ мѣсто автора отзывается яко бы Пантеизмомъ, или Натурализмомъ?

Пантеизмъ начинаетъ свой ходъ отъ безконечнаго, а сей авторъ съ конечнаго, на 1-й стр. книги объявивъ себя противникомъ Пантеистовъ, которые утверждаютъ, что находится одно только существо, а прочее все есть видоизмѣненія онаго, между тѣмъ какъ авторъ вездѣ говоритъ о существахъ въ числѣ множественномъ.

Натурализмъ есть отрицаніе Божества; но Ансильйонъ всемѣстно упоминаетъ о Богѣ, гдѣ надобно упоминать по теченію и связи мыслей.

При томъ Пантеизмъ и Натурализмъ суть такія противоположности, что никакъ не можно подозрѣвать въ нихъ одного и того же автора. Пантеисты силятся доказать, что, кромѣ Бога, нѣтъ ничего, а Натуралисты говорятъ, что нѣтъ ничего, кромѣ вещества (materia).

Примѣчаніе. Г. Камюзетъ, весьма извѣстный свѣту по своей ревности къ истинамъ Откровенія, во опроверженіи безбожнаго Дидерота, назвалъ вселенную также, какъ и Ансильйонъ, совокупностію всѣхъ бытій и существъ. «Природа, говоритъ онъ, есть совокупность всего существующаго; слѣдовательно, нѣтъ ничего объ онъ полъ сего великаго цѣлаго. Предполагать нѣчто внѣ всеобъятной связи существъ, значило бы себѣ противорѣчить. Весьма вѣроятно, что природа есть безконечна: я хочу сказать,

что между составляющими ее вещами находится по крайней мѣрѣ Существо Безпредѣльное. И дѣйствительно, ничтожность можетъ ли прилежать границамъ природы? Нѣтъ, безъ сомнѣнія; ибо она есть ничто. По отсутствіе ничтожества есть присутствіе чего либо дѣйствительнаго: и такъ должно быть Безконечное Существо, которое мы парицаемъ Богомъ, существо простое и увѣнчанное всѣми совершенствами.»

Книга сія* двукратнымъ издана въ свѣтъ тисненіемъ, съ дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, и не подверглась никакимъ предосудительнымъ толкамъ.

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 4. «Вселенная и Богъ составляютъ такое цѣлое, къ которому не можно ничего прибавить, которое соединяетъ все, содержитъ все; внѣ сего цѣлаго нѣтъ бытія, нѣтъ вещественности, внѣ его нѣтъ ничего возможнаго.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Ежели бъ вселенная и Богъ составляли цѣлое, то Богъ былъ бы частію какого-то цѣлаго; Богъ безъ вселенной былъ бы нѣчто неполное и недостаточное, и нельзя изчислить нелѣпостей, которыя за симъ послѣдуютъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

По всему видно, что Г. критикъ разумѣетъ здѣсь не то цѣлое, которое разумѣетъ самъ авторъ. Цѣлое есть троякаго рода: метафизическое, физическое и собирательное, въ метафорическомъ смыслѣ взятое. Въ составъ перваго входятъ такія части, кои сами по себѣ суть не существа, но способности, качества, свойства вещи, какъ, на прим., разумъ, воля, составляющія мыслящее цѣлое, каково есть духъ, душа, и безъ своего подлежащаго быть не могущія. Части, входящія въ составъ втораго (ежели оно сложное, а не простое) и третьяго цѣлаго, не престаютъ

---

* Начала противъ безвѣрія. — Въ «Росписи Россійскимъ книгамъ Библіотеки А. Смирдина» (Спб. 1828 г.), подъ числомъ 296-мъ читаемъ: «Начала противъ безвѣрія, соч. Ѳеофилакта, Епископа Калужскаго. Калуга, 1808, въ 8-ку.» О. Б.

быть сами существами. Сіи цѣлыя въ одно и то же время могутъ быть и цѣлыми и частями, по различію ихъ отношенія, чего въ метафизическомъ смыслѣ допустить не можно. На пр., земля, отдѣльно разсматриваемая, есть цѣлое, но въ отношеніи ко множеству міровъ есть часть; полкъ, или корпусъ, суть сами по себѣ цѣлое, но относительно къ арміи есть часть: государство есть цѣлое, и Государь такъ же, но изъ совокупности ихъ раждается такое цѣлое, которое соединяетъ все, содержитъ все. Въ семъ цѣломъ сосредоточивается и власть законодательная, и власть управляющая, и власть судебная.

Вопрошаетъ Г. критикъ: «Богъ безъ вселенной есть цѣлое, къ которому ничего прибавить не можно; вселенная безъ Бога есть цѣлое, къ которому также ничего прибавить не можно; если такъ, то къ чему служитъ понятіе о Богѣ?»

Какого бы роду цѣлое ни было, но ежели оно совершенно, то дѣйствительно ничего нельзя прибавить къ нему. На примѣръ, что прибавимъ къ человѣку, одаренному всѣми, свойственными ему, совершенствами? Не содержитъ ли въ себѣ всего до совершенства доведенный полкъ, или корпусъ? Не соединяетъ ли въ себѣ всего, ему принадлежащаго, сотворенный Богомъ міръ, который предпочтительно изъ ничтожества изведенъ, яко лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ?

«Къ чему служитъ понятіе о Богѣ?»—Къ тому же, къ чему служитъ понятіе и о Государѣ. Государство, при всѣхъ совершенствахъ составныхъ его началъ, не можетъ существовать безъ Государя то кольми паче вселенная не можетъ безъ Творца ни на одно мгновеніе ока ни осуществиться, ни осуществленная, продолжить бытіе безъ его воли.

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 8. «Представляя собою мыслящія существа, входящія въ составъ безконечнаго цѣлаго, мы не можемъ не подлежать его сокровенному и тайному на насъ дѣйствію.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Какое это безконечное цѣлое, котораго мы есмы разумныя части? Не то ли, которое на Греческомъ языкѣ называютъ πᾶν и отъ котораго получили свое имя пантеисты?

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Совсѣмъ не то, т. е., не метафизическое, а собирательное, достаточно объясненное въ опроверженіи втораго примѣчанія. Здѣсь видна нелѣпость не автора, но критика, не знающаго, что цѣлое есть трояkаго рода.

Касательно перевода, подлинникъ ни сколько не ослабленъ. Быть частію цѣлаго, или входить въ составъ его, суть выраженія и тождественныя и равносильныя.

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 25. «Это согласіе (согласіе искуствъ, а особливо музыки и поэзіи съ религіею), столько же полезное для наукъ, какъ и для религіи, содѣйствовало успѣхамъ первыхъ и утвердило царство послѣдней.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

И такъ царство религіи утверждено музыкою, поэзіею и другими искуствами? Сколько мысль сія обидна для религіи, пусть почувствуютъ чтители религіи!

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Здѣсь религія разумѣется не Христіанская, а языческая, въ которой единственные богословы были стихотворцы, какъ, на пр., Гомеръ у Грековъ, и стихотворство всегда сопровождалось музыкою.

Ежели мысль сія обидна, то для однихъ только идолопоклонниковъ. О Христіанской религіи авторъ говоритъ особо, въ разсужденіи о различіи между древнею и новѣйшею поэзіею.

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 28. «Религія въ чистѣйшемъ и высочайшемъ своемъ знаменованіи есть не что иное, какъ отношеніе конечнаго къ безконечному.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Конечное — это я, а вселенная есть безконечна. По сему настоящее положеніе, въ которомъ содержится опредѣленіе религіи, можно произнести такъ: «Религія есть отношеніе человѣка ко

вселенной.» Гдѣ жъ Богъ? Да сохранитъ насъ Богъ отъ религіи Ансильйоновой!»

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Вселенная есть безконечна, когда Творецъ въ соображеніе пріемлется совокупно съ твореніями, какъ объяснено сіе въ опроверженіи на первое замѣчаніе. Слѣдовательно, религія есть отношеніе къ истинному безконечному, а не ко вселенной, которую безъ Бога авторъ называетъ просто неопредѣленнымъ.

«Гдѣ же Богъ?»—Въ мірѣ находится, и вся въ мірѣ управляетъ. Да сохранитъ Богъ здравую Логику отъ заключеній критика!

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 38. «Она (истинная таинственность) любитъ созерцать существа конечныя, ее окружающія, но когда представляется безконечное, она предъ нимъ благоговѣетъ и хранитъ молчаніе.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Ежели такова подлинно истинная таинственность: то желательно было бы слышать отъ автора, что думаетъ онъ о той таинственности, которая рѣшительно пріемлетъ и утверждаетъ превосходящія сферу нашего разума таинства: единаго Бога въ Троицѣ, искупленія, и проч.?

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Таинство единаго Бога въ Троицѣ, искупленія и проч. таинства и догматы Вѣры принадлежатъ къ Богословіи, а не къ Естетикѣ, которая, какъ приложеніе Философіи къ Словесности и Искуствамъ, не должна Богословіи противорѣчить, но не должна также и входить въ разбирательство того, что превосходитъ сферу человѣческаго разума.

Стр. 38. Тѣ же слова.

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Если истинная таинственность, такъ какъ угодно автору, хранитъ молчаніе о мірѣ невидимомъ, то, конечно, хранитъ она молчаніе и о душѣ, и объ Ангелахъ, и о будущей жизни въ мірѣ невидимомъ, и о Богѣ, по словамъ символа Вѣры, «Творцѣ неви-

димыхъ.» Если она любитъ только существа конечныя, и только имъ служитъ, а предъ безконечнымъ только благоговѣетъ и безмолствуетъ, то едва ли позволитъ ей Г. Ансильйонъ любить Бога и служить ему. Вотъ подлинно истинная таинственность! А иной Христіанинъ подумаетъ, что это тайна нечестія.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ:

Истинная таинственность есть двоякая: философская и богословская. Послѣдняя принадлежитъ къ Богословіи Откровенной, а первая къ Естественной.

Естественная Богословія въ познаніи Творца руководствуется созерцаніемъ тварей; ибо не возможны для ней непосредственныя сообщенія съ безконечнымъ. И по тому любитъ созерцать существа конечныя, какъ единственное средство къ познанію безконечнаго. Предъ безконечнымъ благоговѣетъ и безмолствуетъ, т. е., поклоняется ему, но не дерзаетъ изрещи объ немъ, равно какъ и о невидимомъ мірѣ, ничего такого, чего разумъ не можетъ заключить изъ созерцанія зримой природы. Она разсуждаетъ и о духахъ, и о будущей жизни, и о мірѣ невидимомъ, и о Творцѣ онаго, но всегда утверждаясь на началахъ Философіи.

Вотъ какую авторъ, какъ естетикъ и, слѣдовательно, яко философъ, разумѣетъ здѣсь таинственность! Иной читатель подумаетъ, что Г. критикъ вовсе не читалъ, или не слушалъ, Естественной Богословіи.

NB. NB. «Servir les êtres finis, qui l'entourent,» значитъ здѣсь не служить конечнымъ существамъ, но дѣлать изъ нихъ надлежащее употребленіе, такъ какъ «servir le canon» переводится: «палить изъ пушки.»

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 47. «Ихъ (большой части людей) свобода есть только средство, сближающее съ ними полезные, или пріятные, предметы: такимъ образомъ духовное и возвышенное въ человѣкѣ подчиняется грубому и низкому.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Послѣдняя половина сей рѣчи противъ подлинника ослаблена и сокращена. Истинный переводъ долженъ быть сей: «то,

что есть божественнаго въ природѣ человѣческой, подчинено тому, что есть въ ней земное и грубое. Богъ употребленъ человѣкомъ на дѣла самыя низкія.» Изъ взаимнаго соображенія трехъ предложеній видно, что одно и то же въ первомъ изъ нихъ называется свободою, во второмъ божественнымъ, а въ третьемъ Богомъ. Не употребилъ ли здѣсь самъ авторъ имя и понятіе Бога на дѣло низкое? Что это такъ, въ томъ опять можно сослаться на переводчика, который не осмѣлился произнести богохульную рѣчь автора въ переводѣ такъ, какъ она есть въ подлинникѣ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Переводчикъ отступилъ здѣсь отъ подлинника по ниже слѣдующимъ причинамъ:

1. Французы слово divin прикладываютъ ко всему, что есть превосходнаго въ природѣ; они говорятъ: это божественный человѣкъ; сочиненіе божественное; онъ поетъ божественно. На Русскомъ же языкѣ здѣсь опредѣлительнѣе показалось переводчику, вмѣсто божественное, употребить духовное.

2. «Богъ употребленъ человѣкомъ на дѣла низкія»; сія фраза изъ перевода изключена, не во избѣжаніе богохульства, котораго нѣтъ въ авторѣ, но для того, что не понравилось фигурное его выраженіе. Человѣкъ по душѣ есть образъ и подобіе Божіе. Употребленіе образа Божія на дѣла низкія назвать употребленіемъ самаго Бога весьма оскорбляетъ вкусъ знатока въ Словесности. Но какой авторъ не погрѣшилъ противъ вкуса!

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 50. «Законъ нравственный не требуетъ геропзма.—Геропзмъ есть совершенное безкорыстіе.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА:

Изъ сихъ двухъ предложеній выходитъ то слѣдствіе, что законъ нравственный не требуетъ безкорыстія, или, что то же, для исполненія нравственнаго закона довольно дѣлать добро изъ корысти. Вотъ нравственность не Христіанская, ниже философская, но, если можно сказать, купеческая, или торговая.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Нравственный законъ, философскимъ образомъ понимаемый, есть такое законоположеніе, которое независимо отъ страны и вѣка, въ коихъ живемъ, обязываетъ всѣхъ и каждаго къ тому, что для нихъ возможно.

Вопрошается: состоитъ ли въ возможности всякаго человѣка быть героемъ? Самъ Г. критикъ долженъ сознаться, что нѣтъ. Герой, по опредѣленію Г. Ансильйона, не можетъ быть безъ всякаго характера; а великій характеръ есть нѣчто совершенное и весьма рѣдкое. Слѣдовательно, нравственный законъ, какъ общее для всѣхъ и каждаго законоположеніе, не требуетъ героизма.

Дѣлать добро изъ корысти, есть по мнѣнію Г. критика нравственность купеческая, или торговая.

Ежели чрезъ корысть разумѣетъ онъ пріобрѣтеніе пользъ личныхъ противозаконными средствами, то мудрое правительство не терпитъ таковой корысти не токмо въ купечествѣ, но и ни въ какомъ состояніи.

Но корысть, правилами честности руководимая, корысть, соглашающая личныя выгоды съ общимъ добромъ и, въ случаѣ нужды, подчиняющая ихъ общему добру, никогда не можетъ быть предосудительна. Иначе надлежало бы не токмо запретить торговлю, но и остановить награды и воспретить всякому гражданину думать о личной своей безопасности и пользѣ.

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 50. «Кто можетъ презирать все, приводящее въ трепетъ толпы народа; кто, сдѣлавшись холоднымъ ко всему, что лично до него касается, умѣлъ посвятить всего себя какому либо одному великому предмету: тотъ есть истинный герой, каковъ бы ни былъ предметъ его дѣятельности.

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Допустимъ на минуту опредѣленіе героя, и посмотримъ, какія оно влечетъ за собою послѣдствія.

Геростратъ «умѣлъ посвятить всего себя одному великому предмету»—обезсмертить свое имя въ потомствѣ; дабы

достигнуть сей цѣли, онъ «презрѣлъ все, приводящее въ трепетъ толпы народа,» именно: религію своего народа; «сдѣлался холоднымъ къ тому, что существенно до него касалося;» поелику не дорожилъ честію и жизнію, и—сжегъ, бывшій чудомъ свѣта, храмъ Артемиды, рѣшась погибнуть, но погибелію сохранить свою память. По ученію Г. Ансильйона Геростратъ былъ истинной герой.

И. «умѣлъ посвятить всего себя одному великому предмету»—создать всеобщую Монархію, и, для достиженія сего предмета, «онъ презираетъ все, приводящее въ трепетъ толпы народа,» какъ то: законъ и вѣру, правосудіе человѣческое и судъ Божій, упреки совѣсти и проклятія народовъ; «онъ холоденъ ко всему, что до личной и истинной пользы и чести его касается,» какъ то: къ жизни спокойной и безмятежной, къ любви своихъ подданныхъ, къ доброму о себѣ мнѣнію современниковъ и потомства; онъ не дорожитъ личною безопасностію и жизнію, но только хранитъ въ себѣ идолъ, которой уготовляетъ на поклоненіе вселенной. Каковъ бы ни былъ сей предметъ его дѣятельности для страждущаго человѣчества, по понятію славнаго Берлинскаго естетика, И. есть истинный герой.

Сего довольно, чтобы почувствовать, какая была бы язва для общества, если бы естетическія разсужденія образовали хотя одного героя по разуму Ансильйона.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Допустивъ опредѣленіе истиннаго героя, составленное Г. Ансильйономъ, выводитъ Г. критикъ на позорище такихъ героевъ, которые вовсе не имѣютъ принадлежащихъ героизму качествъ. Можетъ быть они ему полюбились: отъ того-то онъ и не узналъ прямыхъ качествъ героя. Самъ, ненавидимый имъ, Ансильйонъ, открылъ бы ему оныя. Стоило бы только съ безпристрастнымъ вниманіемъ прочесть разсужденіе сего писателя о составныхъ началахъ великаго характера. Ансильйонъ вводитъ въ великій характеръ истиннаго героя благоразумную неустрашимость, совершенную холодность къ личнымъ нуждамъ и выгодамъ, необоримое стремленіе къ одному, или нѣкоторымъ, явственно изложенымъ, великимъ и священнѣйшимъ, предметамъ, каковы суть: Богъ или религія, истина или познаніе, красота или искуство, благородство

или добродѣтель, благо общественное или человѣчество, національная свобода или отечество. Кто въ сихъ понятіяхъ не видитъ высокаго, превосходнѣйшаго?

Г. критикъ или не постигаетъ точнаго смысла словъ Ансильйона, или умышленно выворачиваетъ ихъ на изнанку, когда говоритъ: «Геростратъ умѣлъ посвятить всего себя одному великому предмету — обезсмертить свое имя въ потомствѣ: ни Ансильйону, и никому изъ благомыслящихъ, кромѣ Г. критика, и въ голову никогда не приходило злодѣйское предпріятіе, внушаемое гордымъ и безумнымъ эгоизмомъ, почитать за предметъ великой... какъ скоро Геростратъ презрѣлъ вѣрованіе своего народа. Изъ сего явствуетъ, что онъ не имѣлъ никакого благоговѣнія къ отечеству; слѣдовательно, былъ онъ по чувствію извергъ, а по дѣйствію злодѣй.

Далѣе: «Геростратъ сдѣлался холоднымъ ко всему, что лично до него касается.» Самъ себѣ противорѣчитъ Г. критикъ. Развѣ желаніе Геростратa обезсмертить свое имя въ потомствѣ не лично до него касается? Наконецъ: «Геростратъ не дорожилъ своею жизнію.» Изъ чего сіе видно? И кто видалъ, чтобы злодѣй испровергалъ все священное съ тѣмъ единственно, чтобы подвергнуться неизбѣжной казни? «Геростратъ сжегъ, бывшій чудомъ свѣта, храмъ Артемиды.» Насилу Г. критикъ невольнымъ образомъ соглашается съ Ансильйономъ, признавая искуственныя произведенія за предметы, достойные уваженія.

Въ другомъ примѣрѣ своемъ Г. критикъ также заблуждаетъ и самъ самъ себѣ противорѣчитъ. Выставляя какого-то изверга Н... (по чему бы не назвать его полнымъ именемъ?), онъ говоритъ, что сей «Н... умѣлъ посвятить всего себя одному великому предмету—создать всеобщую Монархію.» Конечно, Г. критикъ доселѣ еще не размыслилъ, что сотвореніе всеобщей Монархіи суть химерическія затѣи, никогда не могущія осуществиться. Слѣдовательно, кто предпріемлетъ невозможное, тотъ есть дерзкій безумецъ, а не герой. И Ансильйонъ, въ числѣ великихъ предметовъ истиннаго героизма, нигдѣ не поставляетъ «сотвореніе всемірной Монархіи.»

«Н... презираетъ все, приводящее въ трепетъ толпы народа, какъ-то: законъ и вѣру, правосудіе человѣческое и судъ Божій, упреки совѣсти и проклятія народовъ.» Прискорбно, что Г. кри-

тикъ священныя понятія сіи: законъ, вѣру, правосудіе человѣческое, судъ Божій и упреки совѣсти, почитаетъ только вымышленными для устрашенія простой черни, а не правиломъ жизни и побужденіемъ къ добродѣтели для всѣхъ людей. Истинный герой благоговѣетъ къ нимъ, на нихъ основываетъ и ими повѣряетъ всѣ дѣла свои, презираетъ только то, что съ ними не совмѣстно, и что обыкновенныя души останавливаетъ на пути достохвальныхъ подвиговъ, какъ то: угрозы, временные страхи, ложную молву и самую смерть, если того востребуютъ законъ, вѣра и совѣсть.

«Н... холоденъ ко всему, что лично до него касается, какъ-то: къ жизни спокойной и безмятежной.» Безпокойство и безпрестанныя тревоги суть неизбѣжный удѣлъ всѣхъ злодѣевъ, и вся жизнь ихъ съ ними неразлучна, между тѣмъ истинный герой, среди величайшихъ неудобствъ, искушеній и трудностей, наслаждается душевнымъ миромъ и тишиною. «Н... холоденъ къ любви своихъ подданныхъ.» Таково вообще положеніе хищниковъ и тирановъ! «Н... холоденъ къ доброму о себѣ мнѣнію современниковъ и потомства?» Въ семъ отношеніи и во многихъ другихъ онъ равенъ съ Геростратомъ. «Н... не дорожитъ личною безопасностію и жизнію, но только хранитъ въ себѣ идолъ, которой уготовляетъ онъ на поклоненіе вселенной.» Явное противорѣчіе въ словахъ Г. критика. Какой хранитъ онъ въ себѣ идолъ, если не себя самаго? И если не дорожитъ онъ своею жизнію, для чего же всегда опрометью скрывается отъ праведнаго гнѣва защитниковъ свободы и независимости? Слѣдовательно Н... дѣйствуетъ только для своихъ личныхъ выгодъ; по сему опредѣленіе героя ему ни мало не прилично. Весь свѣтъ назначаетъ ему свойственное мѣсто и прямое названіе: одинъ Г. критикъ примѣтно сего не хочетъ, и даетъ ему наименованіе героя.

«Каковъ бы ни былъ предметъ его (Н.) дѣятельности для страждущаго человѣчества, по понятію славнаго Берлинскаго естетика, онъ есть истинный герой.» Странная и непростительная хитрость отрывать отъ цѣлой мысли по нѣскольку словъ, и перетолковывать ихъ по своему! Истинный герой, по началамъ Ансильйона, избираетъ для своей дѣятельности одинъ какой либо изъ тѣхъ великихъ предметовъ, кои поименованы на стр. 51 и объяснены на стр. 45 и 46. Слѣдовательно, правъ знаменитой Берлинской

естетикъ, и всякой можетъ видѣть, сколь нелѣпо приложеніе двухъ злодѣевъ ко здравымъ его началамъ героизма.

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 51. «Въ сихъ идеяхъ (т. е., въ слѣдующихъ: Богъ или религія, истина или познаніе, красота или искуство, благородство или добродѣтель, благо общественное или человѣчество, національная свобода или отечество) скрывается нѣчто досточтимое, небесное и духовное.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Вмѣсто послѣдняго слова: «духовное» съ подлинника надлежитъ читать: «божественное.» Конечно, переводчикъ нашелъ сіе слово здѣсь неумѣстнымъ: но перемѣна одного слова сдѣлала ли автора лучшимъ? Разложимъ его многосоставное положеніе на части. Вотъ первое предложеніе: «въ идеѣ Богъ или религія скрывается нѣчто досточтимое, небесное и божественное.» Какая истина! Какое открытіе! «Въ идеѣ Богъ скрывается нѣчто божественное! Шутитъ ли авторъ симъ тождесловіемъ, или открываетъ искренно свою мысль, что хотя онъ не ручается за достовѣрность сихъ понятій: «Богъ или религія,» однако, противъ воли своей, находитъ въ нихъ нѣчто досточтимое, небесное и божественное?

Вотъ еще предложеніе: «Въ идеѣ красоты или искуства есть нѣчто досточтимое, небесное и божественное.» Тотъ, кто говоритъ такимъ образомъ, конечно, не относитъ къ себѣ сихъ словъ первой заповѣди Божіей: «Да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене!»

Чрезъ нѣсколько словъ послѣ приведенныхъ здѣсь, у автора находятся слѣдующія слова, опущенныя переводчикомъ: «Богъ есть безконечное по превосходству, котораго причастны всѣ сіи предметы и которое сообщаютъ намъ черты поклоняемой своей сущности.» Если Богъ есть безконечное только по превосходству, то, конечно, есть другое низшей степени безконечное, или еще многія безконечныя, одно другого безконечнѣе, и если Богъ сообщаетъ черты своей поклоняемой сущности многимъ предметамъ, въ числѣ которыхъ авторъ полагаетъ и красоту, то можно надѣяться, что онъ одоб-

рить и поклоненіе красотѣ, какъ Богу. Пусть же люди, не такъ сильные въ Естетикѣ, какъ онъ, изслѣдуютъ и рѣшатъ, всебожіе ли проповѣдуетъ онъ, или безбожіе?

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Г. критикъ поминутно перебѣгалъ отъ перевода къ подлиннику, и обратно, и сіе воспрепятствовало ему вникнуть въ смыслъ автора. Онъ блазнится:

1. Что въ идеѣ Богъ или религія скрывается нѣчто досточтимое, небесное и божественное.

2. Что въ идеѣ красоты или искуства есть нѣчто досточтимое, небесное и божественное.

3. Что Богъ есть безконечное по превосходству, и, слѣдовательно, есть другое низшей степени безконечное, или еще многія безконечныя.

Отвѣтъ на 1-ое. Въ идеѣ Богъ дѣйствительно скрывается нѣчто, а не все, божественное, по тому что чрезъ идею божества мы отчасти разумѣемъ Бога, а сущности его не постигаемъ.

Отвѣтъ на 2-ое. Удивляться красотѣ міра, духовно понимаемой, во всѣхъ его частяхъ, переноситься отъ нея мысленно къ красотѣ несозданной, никто здравомыслящій не скажетъ, чтобъ значило погрѣшать противъ первой заповѣди Божіей: «Да не будутъ тебѣ бози инїи, развѣ мене!»

Отвѣтъ на 3-ье. Есть, безъ сомнѣнія, другія многія безконечныя, какъ, на примѣръ: безконечное естетическое, объемлющее всѣ высокіе предметы, и безконечное математическое, но различествуютъ въ томъ, что Богъ есть безконечное по своей сущности, а они называются безконечными только по отношенію къ человѣческимъ способностямъ разумѣнія и чувствованія.

Красота искуствъ также относится къ числу досточтимыхъ предметовъ: превосходныя творенія витійства, поэзіи, архитектуры, живописи, ваянія и проч., и проч., увлекаютъ духъ нашъ къ чему-то высшему, совершеннѣйшему. Если бы художникъ покусился выставить что нибудь и оскорбительное для нравственнаго чувства, то виновно въ томъ не самое искуство или красота, но злоупотребленіе генія. Такимъ образомъ красота вселенной и красота искуствъ не располагаютъ ни къ всебожію, ни къ безбожію;

а чувственныя о нихъ мысли Г. критика доказываютъ, что ни Естетика его не разумѣетъ, ни онъ не разумѣетъ Естетики.

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 51. Не ложно говорятъ, что есть религія истины, красоты, нравственности и патріотизма.

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Отдѣлимъ опять одну часть отъ многосоставнаго положенія: «есть религія красоты.» Какое злоупотребленіе священнаго имени религіи! Можно ли религіею называть чувствованіе, производимое статуею Аполлона Бельведерскаго, или какимъ нибудь изображеніемъ другого языческаго божества, котораго самымъ именемъ оскорбляется скромный слухъ, какъ бы оное чувствованіе ни было утончено? Согласимся, что есть религія красоты только для тѣхъ, у которыхъ нѣтъ религіи, имѣющей предметомъ истиннаго Бога; но и ту не пристойнѣе ли было бы назвать идолопоклонствомъ красоты?

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Латинское слово «религія» гораздо древнѣе Христіанства, и во многихъ случаяхъ значитъ внутреннее чувство уваженія ко всему досточтимому. Къ числу досточтимыхъ предметовъ, безъ всякаго сомнѣнія, должна принадлежать и красота, но красота естетически понимаемая, а не та, о которой глумится Г. критикъ.

По чему онъ не взялся охуждать помѣщеннаго на ряду съ религіею красоты, и имянно, что есть также религія истины, нравственности и патріотизма? Не по тому ли, что извѣстны ему изящныя формы одного только тѣла человѣческаго, и болѣе ничего?

Богослуженіе не парицалось религіею ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Завѣтѣ; за сомняніе оному начали Христіане принимать ее въ позднѣйшія времена, безъ различія прикладывая къ богослуженію всякихъ вѣръ и исповѣданій. Но что авторъ чрезъ религію разумѣетъ здѣсь не богослуженіе, а внутреннее чувство уваженія ко всему досточтимому, сіе видно изъ связи рѣчи: «есть религія истины, красоты, нравственности и патріотизма.»

Сія религія можетъ быть и у исповѣдающихъ истиннаго Бога, и у идолопоклонниковъ. За симъ надутое восклицаніе Г. кри-

тика: «Какое злоупотребленіе священнаго имени религіи!» само собою уничтожается.

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 89. «Дикіе изображаютъ намъ тотъ златой вѣкъ человѣчества, съ котораго долженствовало воспріять свое начало существованіе онаго, и къ которому оно должно возвратиться, послѣ продолжительныхъ отъ него устраненій.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Не весьма удивительно, что авторъ существованіе человѣчества начинаетъ въ своемъ понятіи «златымъ вѣкомъ дикости:» слѣдуя своей «религіи красоты,» онъ, можетъ быть, предпочиталъ вымышленныя стихотворцами теогоніи и космогоніи повѣствованіямъ Священныхъ Книгъ. Но жаль, что переводчикъ, которой, конечно, читалъ книгу Бытія со вниманіемъ, оставилъ Ансильйона въ несогласіи съ Моисеемъ, по сказанію котораго существованіе человѣчества началось состояніемъ премудрости и совершенства; вѣки же дикости были уже слѣдствіемъ устраненія отъ первоначальнаго закона бытія человѣческаго. Особенно же удивительно, что, по мнѣнію автора, человѣчество «должно возвратиться къ златому вѣку дикости.» Не уже ли подлинно громкія разсужденія о безконечномъ, о высокомъ, о прекрасномъ, и потомъ о безпритворствѣ, о простотѣ и проч., должны вести учениковъ Нѣмецкаго естетика къ златому вѣку дикости?

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Всякой читатель подивится требованію Г. критика, чтобъ философы, описывающіе состояніе дикихъ людей, сообразовались съ Моисеемъ, а не съ путешественниками.

Стр. 88 объясняетъ, что авторъ разсуждаетъ о дикости одностороннимъ образомъ, т. е., со стороны только тихаго и мирнаго характера, и выводитъ изъ того ихъ простосердечность. Желать надобно, чтобъ всѣ люди къ тихому и мирному характеру возвратились, послѣ продолжительныхъ отъ него устраненій.

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 145. «Безконечное мысли совсѣмъ не состоитъ въ пред-

метахъ безконечныхъ по своей сущности, каковы суть: Богъ, вселенная, вѣчность.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

По мнѣнію автора, вселенная, также какъ и Богъ, есть безконечное по своей природѣ и сущности. Но можно ли вселенную и Бога вравнѣ назвать безконечнымъ по своей природѣ и сущности? Развѣ Богъ и вселенная равны между собою въ своей природѣ и сущности? Можно ли, хотя какъ нибудь, назвать вселенную безконечнымъ по своей природѣ и сущности? Все, что не есть самобытное, не есть и безконечное по своей природѣ и сущности; ибо зависимость бытія есть уже конечность, или ограниченность, самой природы и сущности: но вселенная не есть самобытна; всякая природа и сущность не есть безконечная, когда есть надъ нею высшая и болѣе совершенная сущность; ибо сущность низшая, въ сравненіи съ высшею, нѣкоторыхъ вещественностей (realitates) не имѣетъ и, слѣдственно, имѣетъ предѣлы или, что то же, есть конечная; но кто не знаетъ, что сущность вселенныя не есть высочайшая, имѣя надъ собою высочайшую и всесовершенную сущность Божества? Изъ сего видно, что вселенная отнюдь не есть безконечное по своей природѣ и сущности. Чтобы признать ее таковою, надобно смѣшать и слить ея природу и сущность съ сущностію Божества (такъ какъ, по ученію здравой Философіи, два безконечныхъ существенныхъ и быть не могутъ), надобно представить вселенную только явленіемъ или модификаціею Божества, т. е., надобно, чтобъ Ансильйонъ былъ пантеистъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Въ какомъ смыслѣ вселенная признается безконечнымъ, достаточно объяснено сіе въ опроверженіи перваго примѣчанія.

СЛОВА СОЧИНИТЕЛЯ.

стр. 163. «Она (религія Христіанская) основывается на отвлеченностяхъ.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Основывать религію Христіанскую на отвлеченностяхъ значитъ основывать ее на одномъ разумѣ; поелику отвлеченности

суть дѣло разума; основывать же Христіанскую религію на одномъ разумѣ значитъ испровергать ее и поставлять на мѣсто ея мечтательную религію натуральную. Истинная Христіанская религія основывается на откровеніи, и откровеніе, конечно, не есть отвлеченіе. Она основывается, яко на краеугольномъ камени, на Господѣ нашемъ, Іисусѣ Христѣ, а онъ не есть отвлеченная идея, но существо дѣйствительное, истинный Богъ и истинный человѣкъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Нравственная религія Христіанская дѣйствительно основывается на отвлеченностяхъ; поелику господствующія въ ней идеи суть идеи Закона Божія и Христіанскихъ обязанностей. Идея, какъ идея, всегда будетъ отвлеченность, какое бы ни было ея произхожденіе, т. е., сверхъ ли естественное, или естественное. Вообще, судя о Христіанской религіи, и самъ авторъ говоритъ на стр. 165, что «беретъ она основу изъ написаннаго откровенія.» Въ Г. критикѣ недостаетъ умѣнія связывать предыдущее ст послѣдующимъ.

СЛОВА АВТОРА.

Тамъ же. «Въ среднихъ вѣкахъ заняли (Христіане) отъ религіи языческой нѣкоторую часть обрядовъ ея и празднествъ—собственныхъ ея произведеній и, прилагая ихъ къ Христіанству, старались дать ему нѣчто болѣе чувственное.

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Можно согласиться, что Христіане среднихъ вѣковъ дали своей религіи нѣчто болѣе чувственное, и сіе сдѣлано пастырями по благочестивому, впрочемъ, снисхожденію къ понятіямъ простаго народа. Но говоритъ, что «Христіане заняли отъ религіи языческой нѣкоторую часть ея обрядовъ и празднествъ, и приложили ихъ къ Христіанству,» есть представлять Христіанъ подражателями язычниковъ и ругаться надъ Церковію; ибо подъ именемъ Христіанъ, конечно, здѣсь разумѣется не расколъ какой либо, или секта, но Церковь. Если бы обряды и празднества Христіанскоій Церкви заимствованы были отъ религіи языческой, то какое бы можно было имѣть къ нимъ уваженіе? Можно ли было бы даже терпѣть ихъ безъ оскорбленія самой Вѣры?

Если Христіанская Церковь въ установленіи обрядовъ и

празднествъ имѣла образецъ, которому подражала, то имѣла его въ обрядахъ и празднествахъ Церкви Ветхозавѣтной, установленныхъ отъ самого Бога. Съ чего жъ еще взялъ естетикъ, не въ добрый часъ сдѣлавшійся археологомъ, утверждать, что «обряды и празднества суть собственныя произведенія религіи языческой?»

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Что имянно въ среднихъ вѣкахъ Римская Церковь заняла отъ религіи языческой, пусть Г. критикъ прочитаетъ о томъ цѣлыя книги, написанныя Протестантами и Реформатами.

Богъ, сохранившій Восточную Имперію отъ политическихъ превращеній среднихъ вѣковъ, сохранилъ и Св. Греческую Церковь отъ примѣси суевѣрія и невѣжества варваровъ, разрушившихъ Западную Имперію.

СЛОВА АВТОРА.

Тамъ же. «Источникъ, изъ котораго истекаетъ она (Христіанская религія), существо, которому научаетъ поклоняться, способности человѣка, цѣль, къ которой руководствуетъ, средства, которыя употребляетъ, враги, съ коими борется, награды и наказанія, коими сопровождаетъ законоположеніе свое, все въ ней равно невещественно, невидимо.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Здѣсь между прочимъ утверждаетъ авторъ, что «средства которыя употребляетъ религія Христіанская, суть равно невещественны и невидимы, какъ и ея источникъ и цѣль.» Читая сіе, подумаешь, что онъ знаетъ Христіанскую религію только по догадкамъ, а самъ и не видывалъ и не слыхивалъ Христіанскихъ учителей. Ибо не всѣ ли Христіане, какого бы ни были исповѣданія, признаютъ что, спасительныя средства (media salutis), которыя употребляетъ Христіанская религія, суть слово Божіе и таинства (verbum et sacramenta)? Какъ же говоритъ естетическій изслѣдователь Хтистіанства, что «Христіанская религія употребляетъ только невещественныя и невидимыя средства? Развѣ въ Крещеніи нѣтъ ничего вещественнаго? Развѣ въ Евхаристіи нѣтъ видимаго? Или онъ не признаетъ сихъ Таинствъ спасительными средствами Христіанской религіи.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Съ чего взялъ Г. критикъ, что Христіанская религія, яко бы по словамъ автора, употребляетъ только невещественныя и невидимыя средства? Слова: «только» нѣтъ ни въ переводѣ, ни въ подлинникѣ. «Духъ есть Богъ, и иже кланяется ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися (Іоан. IV, 24). Въ семъ текстѣ не говорится ни о таинствахъ, ни о догматахъ и обрядахъ вѣры, но слѣдуетъ ли изъ того заключить, что Св. Евангелистъ отрицаетъ ихъ? Равнымъ образомъ и Ансильйонъ ни сколько не погрѣшилъ противъ Христіанской религіи, сказавши нѣчто о внутреннемъ богослуженіи и умолчавши о наружномъ: оружія бо воинства нашего не плотская (2 Кор. X, 4).

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 172. «Въ большой части обществъ новѣйшихъ политическая свобода почти совершенно изчезла. Одинъ человѣкъ является, хочетъ, дѣйствуетъ, другіе не что иное суть, какъ послушныя орудія, вѣрные исполнители его повелѣній.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Да услышатъ блюстители общественнаго благоустройства и спокойствія, какія наставленія преподаетъ народамъ учитель прекраснаго и высокаго! «Въ большей части обществъ новѣйшихъ, говоритъ онъ, политическая свобода почти совершенно изчезла.» Но по чему такъ? По тому, «что въ нихъ одинъ человѣкъ хочетъ, дѣйствуетъ; другіе не что иное суть, какъ послушныя орудія, вѣрные исполнители его повелѣній.» А какъ называется общество, въ которомъ одинъ человѣкъ хочетъ, дѣйствуетъ, а прочія суть послушныя орудія и вѣрные исполнители его повелѣній? Это монархія. И такъ, по мнѣнію Г. Ансильйона, въ новѣйшихъ обществахъ политическая свобода исчезла, по тому что правленіе ихъ есть монархическое? И такъ политическая свобода только въ Республикахъ? Только тамъ, гдѣ нѣтъ «ни послушныхъ орудій власти, ни вѣрныхъ исполнителей повелѣній?» Только въ мятежахъ и ужасахъ революцій?

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Политическая свобода есть право самозаконодательства

народа, а гражданская есть право дѣлать все, закономъ позволяемое.

Да услышатъ владыки земные, не республиканскія ли подданнымъ ихъ внушаетъ Г. критикъ наставленія, когда утверждается, что могутъ они пользоваться и политическою свободою, т. е., быть составными частями верховной власти, между тѣмъ какъ всякой вѣрноподданный долженъ быть вѣрнымъ только исполнителемъ воли своего законодателя и довольствоваться одною гражданскою свободою. «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется» (Рим. XIII, 1).

СЛОВА АВТОРА.

Стр. 178. «Она (Христіанская религія) возвратила женскому полу природное его достоинство, и извлекла изъ оковъ, въ которые ввергли его общественныя постановленія и всеобщая грубость нравовъ. Рыцарство довершило дѣло религіи, облекши самую сильнѣйшую страсть въ нравственную красоту.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Что студная и неистовая страсть облекается въ наши времена призракомъ нравственной красоты, сіе, говоритъ авторъ, есть дѣло Рыцарства въ своемъ совершеніи, а въ своемъ началѣ дѣло Христіанской религіи. Какая клевета на чистѣйшую религію!

Пишущій сіи замѣчанія не выписываетъ болѣе одного сего мѣста изъ разсужденія «о вліяніи женскаго пола на новѣйшую поэзію» (стр. 174 и 182), опасаясь, чтобъ не оскорбить скромности. Кто будетъ имѣть терпѣніе прочитать указанныя страницы, тотъ пожалѣетъ, что многія имена соблазнительнѣйшихъ писателей, и многія слишкомъ плотскія и нечистыя понятія, въ преложеніи осквернили перо, изготовляемое для начертанія вещей духовныхъ и высокихъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Взаимная любовь обоихъ половъ никогда не должна почитаться студною и неистовою страстью, ежели она управляется законами доброй нравственности. Христіанская религія, поставляя мужа главою жены, велитъ также и любить ее: «Женѣ мужъ довольную любовь да воздаетъ, такожде и жена мужу» (1 Кор. VII, 3).

У язычниковъ женскій полъ содержался въ рабствѣ, а у Христіанъ пользуется нравственнымъ равенствомъ. Тогда поступали съ женщинами какъ съ невольницами, а теперь какъ со своими помощницами, любя ихъ и почитая, и въ семъ-то смыслѣ онѣ были кумирами Рыцарей, предметомъ непорочныхъ и робкихъ желаній получить ихъ руку.

Безпристрастный читатель, справясь съ 174 и 182 страницами, на которыя ссылается притворно-скромный Г. критикъ, изумится, по чему бы недостойно было пера духовнаго описывать плотскихъ людей съ тѣмъ, чтобъ другихъ предохранить отъ нечистыхъ понятій ихъ и правилъ? Множество примѣровъ тому можно найти не только въ нравственныхъ писателяхъ, но и въ самыхъ церковныхъ учителяхъ.

СЛОВА СОЧИНИТЕЛЯ.

Стр. 186. «Онъ (вѣкъ невинности) не болѣе существовалъ въ древнемъ мірѣ, какъ и въ нашемъ.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Мысль, что вѣкъ или состояніе невинности не существовало, есть ложная и даже богохульная: ложная, ибо слово Боже описываетъ человѣка, сотвореннымъ въ состояніи невинности; богохульная, ибо и прилично ли святости Божіей произвести человѣка на свѣтъ иначе, какъ въ состояніи невинности?

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Авторъ разумѣетъ здѣсь вѣкъ невинности, какой разумѣли всѣ языческіе стихотворцы: считая его наравнѣ съ баснословными временами, могъ безпогрѣшительно сказать, что существовалъ онъ не болѣе въ древности, какъ и въ нашемъ мірѣ.

Состояніе невинности, въ какомъ находились Адамъ и Евва, нельзя назвать вѣкомъ, по тому, что никто не знаетъ, сколько времени пребыли они невинными.

СЛОВА СОЧИНИТЕЛЯ.

Стр. 254. «Руссо имѣлъ душу благочестивую, хотя и являлъ часто духъ невѣрія.»

ПРИМѢЧАНІЕ КРИТИКА.

Можно ли человѣку «имѣть душу благочестивую и являть часто духъ невѣрія?» Чувствовать, какъ Христіанинъ, и мыслить, какъ язычникъ, или безбожникъ? Любить и чтить Бога, но не вѣрить Его дѣламъ?

Если сіе возможно, то авторъ, вѣроятно, нашелъ сію возможность въ самомъ себѣ, и разлилъ въ своихъ разсужденіяхъ «духъ невѣрія,» не опасаясь оскорбить «душу благочестивую.»

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Какъ совмѣстно человѣку любить доброе, а творить злое, такъ равно возможно ему, по временамъ, и быть благочестивымъ, и въ вѣрѣ колеблющимся. Ежели всегда являетъ онъ духъ невѣрія, то никогда и благочестивъ не бываетъ. Но коль скоро приходитъ въ чувство вѣры, то возвращается къ нему и чувство благочестія, и тогда воззоветъ онъ изъ глубины сердца своего: «Вѣрую, Господи! Помози моему невѣрію!» (Марк. IX, 24.)

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Г. критикъ, оканчивая разборъ автора, сказалъ, что выписаны имъ только тѣ мѣста, которыхъ несогласіе съ вѣрою, нравственностію и гражданственностію, безъ затрудненія усматривается, и что остается еще на семъ полѣ богатая жатва лжи и заблужденія.

Отдается на судъ всякаго безпристрастнаго читателя: не одни ли призраки онъ видѣлъ? Или не имѣлъ ли скрытнаго желанія подавить пшеницу своими плевелами?

3 38